

А. Успенская
Санкт-Петербург

Зороастрийские мотивы в творчестве К. Бальмонта

По ироничному отзыву М.А. Волошина, «Бальмонт перевёл Шелли, Эдгара По, Кальдерона, Уольта Витмана, испанские народные песни, мексиканские священные книги, египетские гимны, полинезийские мифы, Бальмонт знает двадцать языков, Бальмонт перечёл целые библиотеки Оксфорда, Брюсселя, Парижа, Мадрида... Всё это неправда, потому что произведения всех поэтов были для него лишь зеркалом, в котором он видел лишь отражение собственного своего лика в разных обрамлениях, из всех языков он создал один, свой собственный, а серая пыль библиотек на его лёгких крыльях Ариеля превращается в радужную пыль крыльев бабочки».¹

Разумеется, насмешник Волошин был не прав – Бальмонт действительно знал 16 языков, объездил весь мир, был не понаслышке знаком с множеством иноземных, в том числе совершенно экзотических культур и обогатил русскую литературу прекрасными переводами и переложениями. Но, с другой стороны, Волошин прав – Бальмонт искал и находил в этих культурах свое, близкое ему, он каждый раз открывал собственный мир – но сквозь призму разнообразных чужих миров. Поэтому пестрое собрание переводов, переложений, пересказов – очень важная, неотъемлемая часть собственного творчества поэта. В этом смысле немалый интерес представляет авестийский или зороастрийский след в поэзии Бальмонта. Мы имеем в виду двоякое общение Бальмонта с древнеперсидской культурой: это собственно переводы и переложения, а также и идеи, мотивы и образы древней «Авесты» в его оригинальной поэзии. Тема эта столь же интересная, сколь и малоизученная. Для читателя советской эпохи она оказалась фактически закрыта. Из сборника в Большой серии «Библиотеки поэта» (1969) удалены практически все авестийские стихотворения из книг «Под Северным Небом», «Тишина», «Горящие Здания», «Будем как Солнце», «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древ-

них», хотя во вступительной статье один раз упомянуты переводы из «Зенд-Авесты». В последующие годы, в сборнике «Светлый час» (1992) часть стихотворений этого рода присутствует, но в крайне урезанном виде, в комментариях приведены лишь предположительные годы жизни Заратустры. В 7-томном Собрании сочинений (2010) эти стихотворения опубликованы, но без комментария. Между тем в книге очерков Бальмонта «Где мой дом?» (1924) содержится очень важное признание: среди голода и холода гражданской войны он сохранил для себя свои «любимые книги»: это «мудрость Индии, “Веды”, мудрость Парсов, “Зенд-Авеста”, отрывки мыслей лучезарного Гераклита, большой том Евангелия в подлиннике <...> большие тома драм Кальдерона». ² Как видим, «Авеста» стоит на втором месте.

Когда возник у Бальмонта интерес к экзотическим культурам Востока? Вероятно, важное значение имела поездка в Англию весной 1897 года, несколько месяцев, проведенных в Оксфорде, когда его пригласили прочитать курс лекций о русской поэзии в Тейлоровском институте. Состоялось знакомство со знаменитым Эдвардом Тейлором – английским антропологом и культурологом, исследователем восточных религиозных обрядов и церемоний. Интерес к древнеперсидской культуре и мифологии мог возникнуть в результате общения с крупными знатоками восточной культуры, прежде всего Томасом Уильямом Рис-Дэвидсом, специалистом по среднеиндийским языкам, в том числе пали. Рис-Дэвидс выдвинул любопытную расовую «арийскую» теорию, сблизившую англичан и буддийских жителей Шри-Ланки. Восток оказывался гораздо ближе к европейцам, чем они думали. Познакомился Бальмонт и с индологом Максом Мюллером – крупнейшим специалистом по индийской мифологии и религии, занимавшимся сравнительным религиоведением. Он любил повторять: «Кто знает одну религию – не знает ни одной». Интерес к индийской мифологии зарождается у Бальмонта именно в эти годы, появляются переводы и переложения, и не удивительно, что параллельно возникает и интерес к древней Персии. Индийские и иранские народы происходят от одного корня, древнеиндийские мифы «Вед» и древнеперсидские мифы, собранные в знаменитой «Авесте», демонстрируют явственное родство, в чем-то близки и пантеоны индийских и иранских божеств. Впечатления от путешествий 1896–1897 годов нашли у Бальмонта своё отражение в сборнике «Тишина». Здесь уже явственно

видны следы изучения авестийских легенд и ритуалов. Так, в цикле «Аккорды», в стихотворении «Три символа» (1897) читаем:

Явились в мир уже давно, – в начале
Наивных и мечтательных времен, –
Венчанный змей, собака, скорпион,
Три символа в Персидском ритуале.

Венчанный змей – коварство и обман,
И скорпион – источник разрушенья,
Их создал грозный царь уничтоженья,
Властитель зла и ночи, Ариман,

Но против духов тьмы стоит собака.
Ее Ормузд послал к своим сынам, –
Когда весь мир уснет, уступит снам,
Она не спит среди ночного мрака.

Ничтожен скорпион, бессилен змей,
Всевластен свет лучистого владыки,
Во тьме ночной звучат над миром клики:
«Я жду! Будь тверд! Я жду! Благоговей!»

(I, 163–164)

Здесь Бальмонт еще приводит средневековые имена – Ормузд и Ариман, в период более глубокого знакомства с «Авестой» он будет использовать древнеперсидские имена Агурамазда (современное произношение – Ахура-Мазда) и Ангра-Майнью. В то же время Бальмонт хорошо осведомлен об особой роли собаки в зороастрийской религии. Она считалась почти разумным существом, соратником в борьбе со злыми демонами-дэвами и в ряде ритуалов могла участвовать наравне с человеком.

В этом же сборнике «Тишина» стихотворение «Сон» содержит прямые отсылки к персидскому культу Митры.

Внемлите, смертные земли,
Я Тот, Кто был, Кто есть, Кто будет
Чьи мысли бездну звезд зажгли,
Кто бледной травки не забудет.

<...>

Молитесь Митре в блеске дня,
А ночью пойте гимн Таните.

Зовите тысячью имен
Того, Кто сердце вам пробудит...
(I, 161)

Примечательно, что в цикле, посвященном индийской мифологии («Индийские травы», сборник «Горящие Здания») звучит сходная характеристика верховного божества: «Кто бледной травки не обидит» (I, 297).

В то же время в оригинальной поэзии Бальмонта, внешне не связанной с зороастрийскими мотивами, можно также увидеть отзвуки авестийских легенд. Так, стихотворение «Правда» имеет, судя по эпиграфу, источник – славянский апокриф, «Голубиную книгу», но есть и авестийские мотивы:

Кривда в споре верх взяла.
Правда в солнце превратилась,
В мире чистый свет зажгла.
Удалилась к поднебесью,
Бросив Кривду на земле...
(I, 160)

По авестийской легенде, когда нечестивый Ангра-Майнью решил разрушить мир, созданный Ахура-Маздой, тот позволил ему прорваться в прекрасный земной мир и (отчасти пожертвовав им) сделал его ловушкой для змея, тот проник на Землю, принес страшные разрушения, но и сам остался там, запертый Ахура-Маздой и его помощниками. Сами же они находятся в неземном сияющем мире.

Этот же мотив некогда прекрасной земли, оскверненной нечистым змеем, повторится позже, в сборнике «Горящие Здания» в стихотворении «Смертию – смерть». Герой видит сон, который «был не только сном».

Мне грезилась безмерная страна
Которая была когда-то Раем <...>
Но та страна проклятью предана.
Небесный свод как потолок стал низким;
Мир Земли <...> все делался угрюмой и тесней...
(I, 310)

Мир сжимается, все живущие сливаются вместе, а с ними и герой, наконец, все земное сливается в чудовищного змея. «Я превратился в главный лик Змеи, / И Мир – был мой, я – у себя в неволе» (I, 310–312). Образ порочного змея, бьющегося в земной обители как в ловушке, имеет источником древнеперсидскую мифологию. Финал неожиданный: Змей вспыхивает, сгорает, но разрушает земную ловушку и превращается в небесно-изумрудного Люцифера, парящего в Безбрежности, им освобожденной. Известен интерес Бальмонта не только к светлым силам, но и попытки проникнуть в инфернальные тайны сил зла. Возможно, яркий образ Ангра-Майнью, вечного завистника, пойманного в земную ловушку и обреченного в конце концов на уничтожение, вдохновил поэта и заставил посмотреть на миф его глазами.

Возможно, под влиянием изучения мистических ведических и авестийских текстов происходит знаменательная перемена в творческом облике Бальмонта. Большинство исследователей отмечало, что на рубеже веков общая тональность его поэзии явно меняется: настроения уныния и тоски отступают, поэзия становится яркой, красочной, исполненной какой-то экстатической радости, напора буйных сил. Литература о Бальмонте дружно отмечает: начиная с 1900 года «элегический» герой Бальмонта превратился в собственную противоположность: активную личность, «почти с оргиастической страстью утверждающую именно в этом мире устремлённость к Солнцу, огню, свету».³ Особое место в бальмонтовском пантеоне занял Огонь как самое яркое проявление космических сил. Однако исследователи умалчивают о возможной причине – это знакомство с авестийской мифологией и культом персов-огнепоклонников.

Возможен и еще один источник интереса к зороастрийским образам. Лето 1898 года Бальмонт провел в подмосковном имении Баньки – там завязалось знакомство, а потом и дружба с Сергеем Александровичем Поляковым, математиком, меценатом, полиглотом, знавшим полтора десятка языков, в том числе и персидский. Поляков переводил Ницше и безусловно оказал влияние на Бальмонта. Позже, в статье «Гении охраняющие» Бальмонт говорил о Ницше: «Самый блестящий поэт-философ 19-го столетия». Это увлечение Ницше могло послужить еще одним фактором, пробудившим у Бальмонта интерес к авестийским сказаниям. Прежде всего тут сы-

грала роль книга «Так говорил Заратустра», т. к. Бальмонт считал, что источником образа Заратустры для Ницше действительно была «Авеста», хотя между зороастрийским пророком и героем Ницше, конечно, мало общего.

Первое явственное упоминание об «Авесте» находим в сборнике «Горящие Здания» (май 1900) в цикле «Совесть»: это стихотворение «На мотив из Зенд-Авесты»:

Змей темно-желтый, чье дыханье – яд
Чей смертоносен вечно-жадный взгляд,
Глядит – и близь него дрожит блудница,
Волшебная и быстрая как птица.

(I, 243)

Имя Змея не названо, но это явно Ангра-Майнью, блудница, его союзница, также была упомянута в «Авесте» – это дьяволица Друдж, символ лжи, соблазнительная, переменчивая, грозная, Бальмонт не случайно называет ее «уклончивая птица»:

Ее душа, его душой могуча,
Шатается, качается как туча.

Далее у Бальмонта звучит молитва к Гаоме (*совр.* – Хаома), с просьбой убить блудницу и змея.

Гаома желтый, выточил копьё,
Пронзи мое глухое забытье,
Я, темный, жду, как крот, во мраке роюсь,
Тебе Маздао дал плеядный пояс.

Стихотворение представляет собой беглый и очень насыщенный эмоциями пересказ девятой главы (Хаити 9) «Ясны», (одна из книг, входящих в «Авесту»), а именно – Хом-яшт, гимн, обращенный к Хаоме,⁴ в котором пророк Заратустра просит Хаому убить змея и блудницу. Некоторые мотивы относятся к 10-й главе того же Яшта. Можно отметить следующие мотивы Хом-яшта, использованные Бальмонтом.

Ст. 10–11 – Хаома помогает Кэресаску убить Рогатого зеленого змея.

Ст. 16–17 – Хаома назван златоцветным, желтым.

Ст. 16–18 – Хаома сокрушил и одолел дьяволицу Друдж.

Особенно видны совпадения с четвертой и пятой просьбами Заратуштры:

Против змея зеленого, темного, извергающего яд,
ради праведника, оберегающего тело,
о Хаома желтый, палицу устреми!
(ст. 30)

Против блудницы колдовской, вызывающей сладострастие,
дающей ложе,
чей помысел колышется как облако, гонимое ветром,
ради праведника, оберегающего тело,
о Хаома желтый, палицу устреми!
(ст. 32)

Как видим, Бальмонт оставил в пересказе сравнение блудницы с облаком. Строка Бальмонта «Тебе Маздао дал плеядный пояс» также соотносится со словами гимна, правда, рисующими более абстрактную, аллегорическую картину: «Тебе Мазда принес повязываемый пояс, украшенный звездами, изготовленный в духовном мире – Благую Веру Маздаяснийскую» (ст. 26).

Изобилующий повторами, очень длинный древний гимн пересказан емко, ярко, эмоционально. При этом видно, что борьба современного человека со злом имеет все-таки внутренний характер: «Пронзи мое глухое забытье».

В разделе «Антифоны» – еще одно стихотворение «Из Зенд-Авесты», это молитва к Ахура-Мазде, пожалуй, не имеющая конкретного источника, но аккумулирующая важнейшие элементы авестийских гимнов к этому верховному божеству. Бальмонт сохраняет древний колорит «Авесты», называет Мазду не подателем Справедливости, а употребляет персидские термины: «пресветлый бог порядка, Ашаван», «Датар» (I, 284). Древнеперсидское слово «Аша» означает в природном мире – закон порядка, а в мире людей – это истина, добродетель и справедливость.

В последующие годы Иран не перестает интересовать Бальмонта. Он писал Брюсову 8 июня 1903 года: «Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие. Константинополь, Египет, вероятно, Персия, Индия, часть Китая, Япония».⁵ В эпоху первой эмиграции 1906–1913 годов Бальмонт продолжает заниматься восточной поэзи-

ей. В числе других крупных переводческих работ Бальмонта этого времени – переложение древнеиндийских памятников («Упанишады», драмы Калидасы, поэма Ашвагхоши «Жизнь Будды» – «Буддочарита»). По этому поводу Бальмонт вёл переписку со знаменитым французским индологом и буддологом Сильвенем Леви.

В пантеонах древних индийцев и персов есть совпадающие божества, например, солнечное божество Митра, Огонь, Ветер. Поэтому трудно с точностью указать источник бальмонтовских восторженных гимнов, посвященных им. Сборник «Будем как Солнце» он начинает циклом «Четверогласие стихий», прежде всего прославляющим Солнце: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце», «Будем как солнце!», «Воздушный храм», где Солнце «уходит к своей запредельной отчизне, в беспредельной своей красоте» (I, 317), «Голос заката», «Рассвет», где Солнце явно имеет черты бога Митры: «Бессмертное Светило, надежда всех миров» (I, 319).

Далее идет прославление Огня. Бальмонт неоднократно провозглашал, что Огонь – его самая любимая стихия. С ним он связывает свой идеал красоты, гармонии, творчества. В «Гимне Огню» (I, 319–322) поэт называет самые важные качества и свойства огня:

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящий, живой!

Поэт награждает Огонь и такими емкими характеристиками, как «многоликий», «многошумный», «многоцветный», «веселый и страстный», «проворный», «победно-прекрасный», «Ты меняешься вечно, ты повсюду другой», «как колос пушистый», «вездесущий огонь». Огонь для поэта – «Даятель сил». Он пишет: «Я такой же, как ты». Известно, что одним из важнейших элементов в религии древних зороастрийцев было поклонение огню, их называли «огнепоклонниками». Свою близость к индо-иранскому мировоззрению Бальмонт воплотил в известных стихах сборника «Литургия Красоты» (цикл «Огонь»):

Огнепоклонником я прежде был когда-то,
Огнепоклонником останусь я всегда.

<...>

Я вспышка яркая, блаженство исступлений,
Игрою красочной светло венчанный гений,

Я праздник радости, расцвета и огней.

<...>

Огнепоклонником Судьба мне быть велела!

В понимании стихии огня он действительно близок к идеям зороастрийцев. Дух и хранитель огня, порожденный Ахура-Маздой, это Аша Вахишта (Наилучшая Праведность или Правда). Для зороастрийцев огонь – стихия, не оскверненная вторжением Ангра-Майнью, он связан с высшей, истинной праведностью, целостностью, высшей справедливостью и, что немаловажно – с творческим началом.

Влиянием индийской и авестийской традиции можно объяснить постоянное обращение не только к теме Солнца и Огня, но и к теме Ветра. У зороастрийцев образ божественного Ветра (Вайю), может означать и пустоту, некое прозрачное, небесное, гармоническое состояние природы. В сборнике «Будем как Солнце» есть целый ряд стихотворений, близких по духу к зороастрийскому пониманию «Вайю»: это «Безветрие» («Я чувствую какие-то прозрачные пространства, / Далеко в беспредельности, свободной от всего...») «К Ветру», «Ветер гор и морей», «Ветер», «Завет бытия» («Я спросил у свободного Ветра...»). Примечательно, что третья жена Бальмонта, Елена Цветковская, которая была склонна к патетическому преклонению перед ним, и даже в семейной обстановке обращалась к нему: «Поэт», называла его также индо-иранским именем бога ветра «Вайю».⁶

В сборнике «Будем как Солнце» в цикле «Сознание» находим еще один «Мотив из Зенд-Авесты»: «Скорбь Агурамазды» (I, 446–447). Это стихотворение явно свидетельствует о глубоком знакомстве с авестийскими легендами и даже о стремлении к интерпретации сложных мест «Авесты». Бальмонт передает в сокращении 1-й Фрагард авестийской книги «Видевдат», больше известный как «Географическая поэма», где Ахура-Мазда рассказывает Заратуштре, как он сотворил 16 наилучших стран для обитания людей, а Ангра-Майнью сотворил людям беды и грехи. Этот же миф изложен в средневековом трактате Бундахишн (гл. 1). Также как и подлинник,

текст Бальмонта изобилует древнеперсидскими географическими названиями: «Земли, полные расцвета» у него не названы, но очевидно, что имеется в виду сказочная страна Арьяна Вайджа, далее – Сугдха, Марга, Нисайя, Бахдги, Урва, Гаравайти, Кахра, Гаэтуманта, Варэна, Семиречье, Рангха, правда, Бальмонт дает только 12 стран.⁷ Отсутствует упоминание еще о четырех местностях: Хароя, Ваэкерта, Хнента, Рага.

Бальмонт пересказывает основные моменты единоборства светлого божества с его темным двойником Анграмайни (Ангра-Майню), напавшим на Землю и извратившим благое творение, создавшего «змею в воде и в землях зиму», «десять зим в году и два лишь лета, / И холодеют воды и деревья...» (I, 447). По Бальмонту, в прекрасной стране Сугдха злодей создал саранчу (комментаторы называли в качестве зла комаров, сорняки и даже скифов), в Марге непонятное зло «непон марыда» и «витуша» он переводит как «зло и грех», в Бахдги Змей принес труднопонимаемые горести или грехи «бравару и усаду», Бальмонт просто исключает это место. Принесенное в Нисайю «шатание умов» Бальмонт переводит как «веру умертвил»; плач и стенания, принесенные в Харойва, переводит как «гордость». Целый ряд несчастий Бальмонт просто исключает, как непонятные современному читателю: зарывание и сжигание трупов, появление неарийских тиранов и т. п. Жалобы бальмонтского Ахура-Мазды не выглядят архаично, они наполнены настоящей человеческой скорбью и лиризмом, это божество, которое страдает вместе с сотворенным им миром.

В 1900–1902 годах Бальмонт работает над лирической поэмой «Художник-Дьявол», придавая ей огромное значение. 11 июня 1900 года он писал Г. Бахману: «Это будет лучшая русская поэма 19 века».⁸ Писатели-современники – Брюсов, Горький, Бунин – не поняли ее, хотя и усмотрели в ней попытку нового эпоса. Впрочем, был и положительный отклик – Эллис увидел в ней самый сильный раздел книги «Будем как Солнце» и даже терцины Бальмонта сопоставил с терцинами «Божественной комедии» Данте.⁹ Большинству показался непонятным космогонический образ Демиурга, весьма далекий от привычного библейско-евангельского образа Создателя. Там фигурирует некий «сказочный старик», который «Владел землей, морями, сонмом гор, / Ветрами, даже небом безграничным» (I, 452). Это –

Творец мира, называемый также «Безумный часовщик», чья все-ленная жила «вне разлада, вне страдания», но он «возымел безумное мечтанье» и внес во Вселенную вместо гармонии бесконечный раздор:

Слова он разделил на нет и да,
Он бросил чувства в область раздвоенья,
И дня и ночи встала череда.

Безумный часовщик, Демиург, создал в доселе гармоничном и едином мире добро и зло – и это воплотилось в созданных различных часах – «Одни из них пленительной красоты, – / Поют, звенят; другие воют псами» (I, 452). Часы становятся неуправляемыми, между ними начинается битва, звучит мучительная какофония, мир погружается в хаос. В оригинальном мифотворчестве Бальмонта можно, тем не менее, различить отголосок зороастрийской легенды об Изначальном Бесконечном – повелителе времени, изначальном едином божестве Зерване Акарана, породившем близнецов Ахура-Мазду и Ангра-Майнью.¹⁰ При этом Зерван хотел сотворить и ждал именно светлого творца грядущего мира Ахура-Мазду, но усомнился, придет ли он, и плодом сомнения явился злой близнец Ангра-Майнью, вступивший с ним в жесточайшую борьбу, которая длится по сей день.

Наконец, достойное место в книге «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» (1908) занимает раздел «Зенд Авеста», содержащий 9 главок. Это краткое, но в то же время достаточно полное представление об авестийских легендах.

Почти все они имеют конкретные первоисточники. При этом первые три – некий экстракт из авестийских текстов, краткое изложение основных догматов зороастризма и прославление Ахуры-Мазды. Источник стихотворения «1. Агурамазда» – 44-я глава «Ясны», но это весьма вольный пересказ. Заратуштра задает вопросы Ахура-Мазде: «Какой муж поддержал землю внизу и небеса от падения? Кто создал воды и растения?» (Ст. 4), «Какой умелец создал свет и тьму? Какой умелец создал сон и бодрствование? Кто он, благодаря кому сменяются рассвет, полдень и вечер, как напоминание разумному о долге?» (Ст. 5). У Бальмонта текст принял форму не вопросов Заратуштры, а ответов Ахура-Мазды. Стихотворение можно соотне-

сти также с рассказом из первой главы средневековой зороастрийской книги «Бундахишн» о создании Ахура-Маздой материального мира, правда, с оговоркой: он был создателем светлых звезд, но не планет – планеты были созданы духом зла Ангра-Майнью во время его нападения на Землю, с ними пришлось сражаться, и помощники Ахура-Мазды взяли их под стражу.¹¹

Стихотворение «2. Утренняя и вечерняя молитва» также содержит важнейшие идеи зороастризма, хотя конкретный источник текста отсутствует. Существуют специальные зороастрийские молитвы, Гахи, связанные с временем суток. В Хордэ Авесте представлено 5 Гах: послерассветная, полуденная, предвечерняя, вечерняя и предрассветная молитвы, но из этих огромных текстов, изобилующих повторами, Бальмонт берет лишь главное – прославление триады «добрые мысли, доброе слово, доброе дело» и уместает утреннюю и вечернюю молитву в пять строчек. Триада «Благая мысль, благое слово, благое дело» постоянно упоминается и в «Авесте», и в средневековых зороастрийских текстах. Например, в книге «Затспрам» (21, 11–27) рассказывается, что первым вопросом Заратуштры был – кого Ахура-Мазда одобряет более всего, даже больше, чем богов, он ответил: «Во-первых – добрые помыслы, во-вторых – добрые речи, в третьих – добрые дела».¹² Можно привести в качестве источника Хадохт-наск, гл. 2 и 3, описывающий посмертное движение души: «первый шаг сделала душа и встала на добрых мыслях, второй сделала и встала на добрых словах, третий сделала – и стала на добрых делах, четвертый сделала – и очутилась в Доме Хвалы (аналог христианского Рая). Для порочной души три ступени – злые мысли, злые слова, злые дела и приводят они в беспредельный мрак».¹³

Стихотворение «3. Молитва» также не имеет конкретных источников. Первые три главки, видимо, призваны дать начальное, обобщенное, при этом весьма эмоциональное, яркое представление о важнейших идеях зороастрийской религии.

Стихотворение «4. Почитание» уже имеет прямой источник: 13-й яшт – Фравардин-Яшт, т. е. гимн к святым душам-Фравашам, святым первопредкам людей. Бальмонт взял из Карде 24 строки 85–92, он перечисляет святых праведников вплоть до Заратуштры. Дальше идет речь о совершенно неизвестных европейцам десятках зороастрийских имен, текст становится непонятным рядовому читателю,

он многословен, содержит повторы, и Бальмонт его пропускает. Из Карде 31 взяты избранные строки – 153, 154, 155.

Бальмонт не всюду дает адекватный перевод, например, в стихе 89 в Авесте говорится о Заратуштре: «Который (стал) первым атраваном, который (стал) первым воином, который (стал) первым пастухом-скотоводом, который первым вывернул колесо явлений из лап дэва и смертного», то есть проложил для людей новый путь к спасению. У Бальмонта Заратуштра становится изобретателем колеса: «Первым взял он в руку вращенье колеса» (IV, 217).

Стихотворение «5. Зерно» имеет непосредственным источником одну из книг «Авесты» – «Видевдат» («Молитвы против дэвов»), гл. 3, ст. 1–13, 22–35. Бальмонт сознательно пропускает архаичные и непонятные поучения. Заратуштра трижды спрашивает: «Кто радуется земле величайшей радостью?». Ахура Мазда отвечает: «Кто выкапывает умерших собак и людей, сносит погребальные сооружения, уничтожает логовища храфстры». Наконец, четвертый вопрос: «Создатель живых творений плотских, Праведный! Кто четвертый эту Землю величайшим удовлетворением удовлетворяет? – И сказал Ахура-Мазда: Тот, кто боле всего сеет, о Спитама Заратуштра, злаков, трав и плодоносных растений или кто безводную – орошает, а обводненную – осушает» (ст. 23). Бальмонт оставляет этот, наиболее понятный современному человеку ответ: «Кто сеет хлеб».

Заратуштра задает другой вопрос: «Когда проявляется сущность маздаяснийской веры?». Ответ (ст. 31): «Кто сеет злаки, тот сеет Ашу, тот распространяет Веру Маздаяснийскую, тот вскармливает Веру Маздаяснийскую как сто установлений, тысяча поддержек, десять тысяч свершений почитания». (Вероятно, имеется в виду 10 000 молитв «Ясны»). У Бальмонта: «Кто сеет хлеб – тот сеет справедливость».

Далее у Бальмонта описывается мистерия появления хлебного колоса:

Когда ячмень был создан, вздрогнул Дьявол;
 Когда возрос – упали сердцем Дивы;
 Он заузлился, Дивы застонали;
 Явился колос, скрылись Дивы прочь
 <...>

Но, словно раскаленное железо,
Пугает колос их, и вид зерна.

(IV, 218)

В ст. 32 «Видевдата» эта картина выглядит более грубо, архаично: «Злак появился, а дэвы вспотели. Росток появился, а дэвы обмерли. Цвет появился, а дэвы взвыли. Зерно появилось, а дэвы пустили ветры. Так зерно появляется, и в доме, где это зерно, дэвов убивают. Им так в глотке печет, как будто от расплавленного железа, когда много злаков бывает».

Стихотворение «6. Собака» – также вольный перевод из книги «Видевдат»: это Фрагард 13, восхваляющий собаку, созданную Ахура-Маздой. Взятые стихи 39, 44–48. Единственное серьезное отличие – у Бальмонта появляется «бродячий певец» вместо слуги (4-й характер, совпадающий с характером блудницы: «Скулит, как слуга; ранит изблизи, как слуга; <...> – в этом ее характер как у слуги»).

Стихотворение «7. Гимн к Вайю» является пересказом 15-го Рам-Яшта, стихотворение «8. Гимн к Веретрагне» – 14-го Варахрам-яшта, причем пересказ достаточно близкий к подлиннику, все 10 имен воителя-Веретрагны подробно описаны. Стихотворение «9. После смерти» – даже не пересказ, а вольный перевод «Хадохт-наска» (одного из фрагментов, причисляемых к «Авесте»). Глава 2 – судьба праведного после смерти, глава 3 – судьба лживого после смерти.¹⁴

Таким образом, интерес к зороастрийским легендам носил у Бальмонта не случайный, поверхностный характер. Его переводы, переложения и пересказы отмечены следами серьезного знакомства с персидскими текстами, хотя, видимо, все-таки в переводах. Легенды и идеи «Авесты» произвели на него глубокое впечатление. Возможно поэта-солнцеклонника привлекал в зороастризме оптимизм, устремленность к свету, радостный характер прославления земной жизни, природы и праведного труда. Это первая монотеистическая религия, в ней более явственно, чем в буддизме, видны переклички с грядущим христианством, и в ней четко обозначена идея личного участия человека во вселенской битве со злом – добрыми мыслями, словами и делами. Наконец, ее освещает обаятельный образ Заратуштры – мудрого пророка, первого Спасителя человечества, получившего истину «из первых рук», в результате божественного откровенья – от Ахура-Мазды:

Чтим Заратустру мы, он вождь, владыка
Вещественной вселенной; человек
Первичного закона; самый мудрый
Из всех существ, и лучше всех познавший
Святое царство самообладанья,
Живую силу власти над собой;
Из всех существ блистательно-лучистый...
(IV, 217)

Бальмонт как переводчик – явно стоит на просветительских позициях, он не стремится к буквальной точности, для него важно донести до читателя, получающего первое знакомство с зороастрийскими текстами, основную суть авестийского учения, он убирает длинноты, повторы и грубую архаику.

Бальмонт-поэт включает в оригинальную поэзию древнеперсидские мотивы и образы, которые иногда поддаются расшифровке только при обращении к текстам «Авесты».

¹ Волошин М.А. Лики творчества. Л., 1989. С. 538.

² Бальмонт К.Д. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. М., 2010. С. 170. Далее ссылка на это издание в тексте, римской цифрой обозначен том, арабской – страница.

³ Русские писатели XX века. Библиографический словарь. В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 131.

⁴ Хаома – златоглазый бог бессмертного одноименного напитка, исцеляющего и дающего силы для борьбы со злом.

⁵ См.: Куприяновский П., Молчанова Н. Бальмонт. М., 2014. С. 124.

⁶ Там же. С. 175.

⁷ Подробнее о местоположении этих местностей см.: Мифы древнего и средневекового Ирана. СПб.; М., 1998. С. 111–115.

⁸ Куприяновский П., Молчанова Н. Указ. соч. С. 115.

⁹ Эллис. Русские символисты. Томск, 1996. С. 93.

¹⁰ «Ясна», 30, 2,3; 72,10; «Видевдат», 19,13.

¹¹ «Ясна», 16, 8 и 68, 8; Яшт, 8, 8; «Бундахишн», 2. См. подробнее: Мифы древнего и средневекового Ирана. С. 91–92.

¹² Там же. С. 266.

¹³ Там же. С. 298–301.

¹⁴ См.: Там же.